

Последнее слово врага народа

Николай Иванович Бухарин – главный обвиняемый на третьем из "Московских процессов", который поставил точку в публичном уничтожении "ленинской гвардии". Он был арестован 27 февраля прямо на заседании Пленума ЦК ВКП (б). Спустя год он в последний раз показался публике на открытом судебном процессе. Что он говорил на этом процессе, показывает отрывок из стенограммы "Бухаринско-троцкистского процесса", опубликованной в 1997 г.

В 1990-е годы получил известность ещё один документ того же времени: обращение Бухарина к потомкам. Его опубликовала Анна Михайловна Ларина – жена Бухарина, семнадцать лет после его смерти проведшая в лагерях и ссылках. По просьбе мужа она заучила это письмо наизусть.

Будем считать, что Бухарин действительно писал это письмо, и Анна Ларина воспроизвела его точно. Будем считать, что архивная стенограмма без существенных искажений передаёт сказанное Н.И. Бухариным, что публикаторы точно воспроизвели архивный документ, и что выпущенные части выступления (<...>) не опровергают изложенного в данном отрывке.

Что из перечисленного несомненно доказывается сопоставлением этих двух документов?

- 1) Во время суда Н.И. Бухарин считал себя контрреволюционером и изменником родины.
  - 2) До ареста Н.И. Бухарин готовил переворот с целью свергнуть И.В. Сталина.
  - 3) Крестьянские восстания в годы коллективизации – дело рук подпольной организации, руководимой Н.И. Бухариным.
  - 4) В 1930-е гг. в СССР действовал право-троцкистский блок.
  - 5) На следствии и на суде Н.И. Бухарин признал основные предъявленные ему обвинения.
  - 6) Н.И. Бухарин на самом деле не совершал ничего из того, в чём признался.
- Какие ещё несомненно достоверные выводы следуют из текста?

Стенограмма Бухаринско-троцкистского процесса. Вечернее заседание 12 марта 1938 года

Председательствующий. <...> Подсудимый Бухарин, вам предоставляется последнее слово.

Бухарин. Гражданин Председательствующий и граждане судьи! Я совершенно согласен с гражданином Прокурором насчет значения процесса, на котором вскрыты наши злодейские преступления, совершенные "право-троцкистским блоком", одним из лидеров которого я был и за всю деятельность которого я несу ответственность.

Этот процесс, который в серии других процессов является заключительным, раскрывает все преступления, изменническую деятельность, раскрывает исторический смысл и корень нашей борьбы против партии и Советского правительства. <...> Мы очутились в проклятых рядах контрреволюции, стали изменниками социалистической родины.

В самом начале процесса на вопрос гражданина Председательствующего: признаю ли я себя виновным, я ответил признанием.

На заданный мне вопрос гражданином Председательствующим: подтверждаю ли я данные мною показания, я ответил, что полностью и целиком подтверждаю.

Когда в конце предварительного следствия я был вызван на допрос к государственному обвинителю, который контролировал всю совокупность следственных материалов, то он резюмировал эту совокупность следующим образом (том 5, стр. 114, от 1 декабря 1937 года):

"Вопрос: Были ли вы членом центра контрреволюционной организации правых? Я ответил: да, признаю.

Другой вопрос: Признаете ли вы, что центр антисоветской организации, членом которого вы являетесь, осуществлял контрреволюционную деятельность и ставил своей целью насильственное свержение руководства партии и правительства? Я ответил: да, признаю.

Третий вопрос: Признаете ли, что этот центр осуществлял террористическую деятельность, организовывал кулацкие восстания и подготовлял белогвардейские кулацкие восстания против членов Политбюро, против руководства партии и Советской власти? Я ответил: это верно.

Четвертый вопрос: Признаете ли вы себя виновным в изменнической деятельности, выражавшейся в подготовке заговора с целью государственного переворота? Я ответил: и это верно".

На суде я признавал и признаю себя виновным в тех преступлениях, которые я совершил и которые были мне вменены гражданином государственным обвинителем в конце судебного следствия на основе имевшегося у Прокурора следственного материала. На суде я заявлял, также и сейчас это подчеркиваю и повторяю, что политически я признаю себя ответственным за всю совокупность преступлений, совершенных "право-троцкистским блоком".

Я подлежу самой суровой мере наказания и я согласен с гражданином Прокурором, который несколько раз повторял, что я стою на пороге смертного часа.

Тем не менее, я считаю себя вправе опровергнуть некоторые обвинения <...>

Еще раз повторяю, я признаю себя виновным в измене социалистической родине, – самом тяжком преступлении, которое только может быть, в организации кулацких восстаний, в подготовке террористических актов, в принадлежности к подпольной антисоветской организации. Я признаю себя, далее, виновным в подготовке заговора – "дворцового переворота". Из этого, между прочим, и вытекает неправильность всех тех мест обвинительной речи гражданина государственного обвинителя, где он изображает дело так, что я становился в позу чистого теоретика, в позу философа и так далее. Это суть вещи, сугубо практические. Я говорил и повторяю сейчас, что я был руководителем, а не стрелочником контрреволюционного дела. Из этого вытекает, как это всякому понятно, что многих конкретных вещей я мог и не знать, что их я действительно и не знал, но это ответственности моей не снимает.

<...> Я считаю себя, далее, и политически, и юридически ответственным за вредительство, хотя я лично не помню, чтобы я давал директивы о вредительстве. Об этом я не говорил. Я положительно разговаривал один раз на эту тему с Гринько. Я еще в своих показаниях говорил, что я в свое время Радеку заявил, что считаю этот способ борьбы малоцелесообразным. Однако гражданин государственный обвинитель представляет меня в роли руководителя вредительства.

<...> Во-вторых, действительно существовавший и разгромленный органами НКВД "право-троцкистский блок" сформировался исторически. Он, действительно, был реальностью, пока его не разгромили органы НКВД. Он возник исторически. Я показывал, что еще в 1928 году во время VI Конгресса Коминтерна, которым я тогда руководил, я первый раз говорил с Каменевым.

Как же можно утверждать, что блок был организован по заданиям фашистских разведок? Это в 1928 году-то! Кстати, в то самое время я чуть не был убит агентом польской дефензивы, о чем прекрасно известно всем, кто близко стоял к партийному руководству.

В-третьих, я категорически отрицаю, что был связан с иностранными разведками, что они были хозяевами надо мной, и я действовал, выполняя их волю. <...>

Я, однако, признаю себя виновным в злодейском плане расчленения СССР, ибо Троцкий договаривался насчет территориальных уступок, а я с троцкистами был в блоке. Это факт, и это я признаю.

Я категорически отрицаю свою причастность к убийству Кирова, Менжинского, Куйбышева, Горького и Максима Пешкова. Киров, по показанию Ягоды, был убит по решению "право-троцкистского блока". Я об этом не знал. <...>

Государственный Прокурор меня обвиняет, что в 1924 году я был против Сталина. Такого случая я не помню. Я заканчиваю свои возражения против отдельных обвинений, которые государственный обвинитель предъявил мне во время судебного разбирательства, и возвращаюсь к действительно совершенным мною преступлениям. Я дважды уже их перечислял. Тяжесть этих преступлений огромна. Мне кажется, что повторять уже не следует, ясно и без того, насколько велики эти преступления.

Тягчайший характер преступления – очевиден, политическая ответственность – безмерна, юридическая ответственность такова, что она оправдывает любой самый жестокий приговор. Самый жестокий приговор будет справедливым потому, что за такие вещи можно расстрелять десять раз. Это я признаю совершенно категорически и без всяких сомнений. <...>

Мне кажется, что когда по поводу процессов, проходящих в СССР, среди части западно-европейской и американской интеллигенции начинаются различные сомнения и шатания¹, то они, в первую очередь, происходят из-за того, что эта публика не понимает того коренного отличия, что в нашей стране противник, враг, в то же самое время имеет это раздвоенное, двойственное сознание. И мне кажется, что это нужно в первую очередь понять.

---

¹ Многие зарубежные наблюдатели ставили под сомнение достоверность признаний подсудимых на открытых политических судебных процессах 30-х годов.

<...> Часто объясняют раскаяние различными, совершенно вздорными вещами вроде тибетских порошков и так далее. Я про себя скажу, что в тюрьме, в которой я просидел около года, я работал, занимался, сохранил голову. Это есть фактическое опровержение всех небылиц и вздорных контрреволюционных рассказней.

Говорят о гипнозе. Но я на суде, на процессе вел и юридически свою защиту, ориентировался на месте, полемизировал с государственным обвинителем, и всякий, даже не особенно опытный человек в соответствующих отделах медицины, должен будет признать, что такого гипноза вообще не может быть.

Очень часто объясняют эти раскаяния достоевщиной, специфическими свойствами души (так называемый *l'âme slave*²), что можно сказать о типах вроде Алеши Карамазова, героев "Идиота" и других персонажей Достоевского, которые готовы выйти на площадь и кричать: "бейте меня, православные, я злодей".

Но здесь дело совершенно не в этом. В нашей стране так называемая *l'âme slave* и психология героев Достоевского есть давно прошедшее время, плюсквамперфектум. Такие типы не существуют у нас, они существуют разве на задворках маленьких провинциальных флигельков, да вряд ли и там существуют. Наоборот, в Западной Европе имеет место такая психология.

Я буду говорить теперь о самом себе, о причинах своего раскаяния. Конечно, надо сказать, что и улики играют очень крупную роль. Я около 3 месяцев запирался. Потом я стал давать показания. Почему? Причина этому заключалась в том, что в тюрьме я переоценил все свое прошлое. Ибо, когда спрашиваешь себя: если ты умрешь, во имя чего ты умрешь? И тогда представляется вдруг с поразительной яркостью абсолютно черная пустота. Нет ничего, во имя чего нужно было бы умирать, если бы захотел умереть, не раскаявшись. И, наоборот, все то положительное, что в Советском Союзе сверкает, все это приобретает другие размеры в сознании человека. Это меня в конце концов разоружило окончательно, побудило склонить свои колени перед партией и страной. И когда спрашиваешь себя: ну, хорошо, ты не умрешь; если ты каким-нибудь чудом останешься жить, то опять-таки для чего? Изолированный от всех, враг народа, в положении нечеловеческом, в полной изоляции от всего, что составляет суть жизни... И тотчас же на этот вопрос получается тот же ответ. И в такие моменты, граждане судьи, все личное, вся личная накипь, остатки озлобления, самолюбия и целый ряд других вещей, они снимаются, они исчезают. А когда еще до тебя доходят отзвуки широкой международной борьбы, то все это в совокупности делает свое дело, и получается полная внутренняя моральная победа СССР над своими коленопреклоненными противниками.

<...> Чудовищность моих преступлений безмерна, особенно на новом этапе борьбы СССР. Пусть этот процесс будет последним тягчайшим уроком, и пусть всем будет видна великая мощь СССР, пусть всем будет видно, что контрреволюционный тезис о национальной ограниченности СССР повис в воздухе как жалкая тряпка. Всем видно мудрое руководство страной, которое обеспечено Сталиным.

С этим сознанием я жду приговора. Дело не в личных переживаниях раскаявшегося врага, а в расцвете СССР, в его международном значении.

<http://www.hrono.ru/dokum/1938buharin/vec12-5-38.html>
(Проект: Хронос)

Будущему поколению руководителей партии

Ухожу из жизни. Опускаю голову перед пролетарской секирой, должной быть беспощадной, но и целомудренной. Чувствую свою беспомощность перед адской машиной, которая, пользуясь, вероятно, методами средневековья, обладает исполинской силой, фабрикует организованную клевету, действует смело и уверенно.

Нет Дзержинского. Постепенно ушли в прошлое замечательные традиции ЧК, когда революционная идея руководила всеми ее действиями, оправдывала жестокость к врагам, охраняла государство от всяческой контрреволюции. Поэтому органы ЧК заслужили особое доверие, особый почет, авторитет и уважение. В настоящее время в своем большинстве так называемые органы НКВД – это переродившаяся организация безыдейных, разложившихся, хорошо обеспеченных чиновников, которые, пользуясь былым авторитетом ЧК, в угоду болезненной подозрительности Сталина, боюсь сказать больше, в погоне за орденами и славой

---

² Славянская душа (*фр.*).

творяют свои гнусные дела, кстати, не понимая, что одновременно уничтожают самих себя – история не терпит свидетелей грязных дел!

Любого члена ЦК, любого члена партии эти "чудодейственные" органы могут стереть в порошок, превратить в предателя-террориста, диверсанта, шпиона. И если бы Сталин усомнился в самом себе, подтверждение последовало бы мгновенно.

Грозовые тучи нависли над партией. Одна моя ни в чем не повинная голова потянет еще тысячи невинных. Ведь нужно же создать организацию, "бухаринскую организацию", в действительности не существующую не только теперь, когда вот уже седьмой год у меня нет и тени разногласия с партией, но не существовавшую и тогда, в годы "правой" оппозиции. О тайных организациях Рютина, Угланова³ мне ничего известно не было. Я свои взгляды излагал вместе с Рыковым и Томским открыто.

С восемнадцатилетнего возраста я в партии, и всегда целью моей жизни была борьба за интересы рабочего класса, за победу социализма. В эти дни газета со святым названием "Правда" печатает гнуснейшую ложь, что якобы я, Николай Бухарин, хотел уничтожить завоевания Октября, реставрировать капитализм. Это неслыханная наглость, Это – ложь, адекватна которой по наглости, по безответственности перед народом была бы только такая: "обнаружилось, что Николай Романов всю свою жизнь посвятил борьбе с капитализмом и монархией, борьбе за осуществление пролетарской революции".

Если в методах построения социализма я не раз ошибался, пусть потомки не судят меня строже, чем это делал Владимир Ильич. Мы шли к единой цели впервые, еще не проторенным путем. Другое было время, другие нравы. В "Правде" печатался дискуссионный листок, все спорили, искали пути, ссорились и мирились, и шли дальше вперед вместе.

Обращаюсь к вам, будущее поколение руководителей партии, на исторической миссии которых лежит обязанность распутать чудовищный клубок преступлений, который в эти страшные дни становится все грандиознее, разгорается, как пламя, и душил партию.

Ко всем членам партии обращаюсь! В эти дни, быть может, последние дни своей жизни я уверен, что фильтр истории рано или поздно неизбежно смоет грязь с моей головы.

Никогда я не был предателем, за жизнь Ленина⁴ без колебаний заплатил бы собственной. Любил Кирова, ничего не затевал против Сталина.

Прошу новое, молодое и честное поколение руководителей партии зачитать мое письмо на пленуме ЦК, оправдать и восстановить меня в партии.

Знайτε, товарищи, что на том знамени, которое вы понесете победоносным шествием к коммунизму, есть и моя капля крови.

Н. Бухарин.

Анна Ларина-Бухарина. Незабываемое. М., 2003. С. 419–421.

http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_pages.xhtml?Key=8276&page=349

Проект: Музей и общественный центр имени Андрея Сахарова

---

³ Рютин Мартемьян Никитич (1890–1937) – один из немногих большевиков, выступивший на рубеже 20–30-х годов против Сталина и его методов, считая, что нарождающийся сталинизм означает крах рабочего дела. Был арестован, заключен в тюрьму, потом расстрелян. Угланов Николай Александрович (1886–1937) – один из секретарей ЦК, кандидат в члены Политбюро; понижен в должности после разгрома "правого уклона", в 1932 исключён из партии в связи с делом группы Рютина. Расстрелян.

⁴ В числе обвинений против Бухарина – подготовка покушений на Ленина, Кирова, Сталина.